

Международная научная конференция «Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования»

19–21 ноября 2016 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН состоялась международная научная конференция «Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования», в которой приняли участие ведущие ученые из зарубежных стран (США, Японии, Нидерландов, Австрии, Венгрии, Польши, Индии, Армении, Казахстана) и многих российских городов (Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Екатеринбурга, Смоленска, Калуги, Барнаула, Саратова, Нижнего Новгорода, Петрозаводска). Организаторами конференции выступили Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Кафедра русского языка и стилистики Московского политехнического университета и Кафедра русского языка Московского государственного педагогического университета.

Конференция была посвящена 80-летию со дня рождения Наталии Алексеевны Кожевниковой (1936–2005), выдающегося ученого-филолога, автора многих фундаментальных трудов по различным областям изучения языка русской художественной литературы. Научный метод Н.А. Кожевниковой как последовательницы Виноградовской школы отличает рассмотрение художественного текста во всей его сложности и во всем разнообразии связей между его элементами, изучение языка писателя в единстве языковых уровней и в связи с мировоззрением автора, анализ языка художественной литературы в связи с историей общественной мысли. Все ее исследования основываются на огромном, богатом, можно сказать, исчерпывающем, языковом материале. Во многих случаях, когда этого требуют исследовательские задачи, проблемы изучаются в диахроническом аспекте.

Широта научных интересов Н.А. Кожевниковой определила круг проблем, обсужденных на конференции: исследование всех уровней языка художественной литературы в их взаимодействии: звуковая организация текста, паронимическая аттракция, словоупотребление, образная структура художественного текста и идиостиля, синтаксис поэтического и прозаического текста, типы повествования. Н.А. Кожевникова внесла значительный вклад в теорию и практику лексикографической работы в области языка художественной литературы. Ее исследования легли в основу таких лексикографических проектов, как «Материалы к словарю паронимов русского языка», «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.». На основе идиостиля А.П. Чехова ею предложены принципы составления словаря языка писателя. Поэтому круг проблем лексикографии языка художественной литературы, авторской лексикографии занял важное место среди обсуждавшихся на конференции тем. Отдельное внимание исследователей, участвовавших в конференции, было уделено активно развивающимся в последнее время корпусным и статистическим методам исследования художественного текста.

19 ноября конференцию открыл ученый секретарь ИРЯ РАН В.А. Пыхов, который обратился с приветственным словом к ее участникам. Далее в этот день состоялись пленарное заседание и два секционных. Первая группа докладов **пленарного заседания** была посвящена **Наталии Алексеевне Кожевниковой, ее личности и научному творчеству**. Е.Ю. Кукушкина (Москва) посвятила свое выступление роли Москвы в биографии и научном творчестве Н.А. Кожевниковой, особо отметив в этой связи ее исследования творчества А.П. Чехова и Андрея Белого.

И.Ю. Белякова (Москва) в докладе «И алгебра, и гармония: о книге Н.А. Кожевниковой “Словоупотребление в русской поэзии начала XX века”» подробно рассмотрела названную монографию, отметив осуществленный в ней комплексный

подход к анализу явлений поэтического языка начала XX века, обширный материал, на котором языковые явления изучаются в аспекте их отношения к разным областям языка: фонетике, грамматике, морфологии, синтаксису. Изучение авторских идиостилевых особенностей в этой книге затрагивает стилистические и семантические характеристики слова. Масштабность работы определяется компаративным методом и обращением к поэзии XIX века, с тем чтобы определить эволюцию традиционных образов и мотивов в русской поэзии. Также прочерчен вектор в будущее – исследователь захватывает факты из поэтического наследия первой половины XX века. По мнению И.Ю. Беляковой, научный язык Н.А. Кожевниковой по аналогии с советской живописью 1960–1970-х годов можно охарактеризовать определением «суровый стиль». Алгебраическая тщательность и точность анализа, изложенного лаконичным языком, соседствует с глубоким пониманием поэтического «микромира», отражающего реальный макромир, и эмпатическим проникновением в «образ автора». Докладчица сделала вывод о том, что указанный труд Н.А. Кожевниковой предоставляет материал и открывает перспективы для новаторских разработок в области языка художественной литературы и авторской лексикографии в современной когнитивно-дискурсивной научной парадигме.

С.И. Гиндин (Москва) в выступлении «Наталья Алексеевна: черточки облика и научного почерка» в качестве главной темы всех научных работ Н.А. Кожевниковой отметил структуру художественного текста. Доклад Г.В. Векшина (Москва) «Звуковые повторы в “Медном всаднике” – по версии Н.А. Кожевниковой и на выходе программы “Фонотекст”» развивает и дополняет направление исследований Натальи Алексеевны, посвященное звуковой организации текста, основываясь на результатах компьютерной обработки текстов с помощью программы, в основу которой положена силлабоцентрическая модель звуковой организации стиха.

Вторая группа докладов пленарного заседания была посвящена **общим вопросам теории языка художественной литературы**. А.Г. Грек (Москва) посвятила свое выступление «Поэтика слова по В. В. Виноградову» анализу ученым словоупотреблений в поэме Гоголя «Нос», «Двойнике» Достоевского и поэзии Ахматовой, направленному на выявление семантических и функциональных преобразований лексем и словосочетаний под воздействием ближайшего и более широкого контекстов. Преобразования, происходящие со словом в художественном тексте, его участие в создании «художественной реальности» / «лирической ситуации», в рисовке персонажа, типа повествователя, его связь с творческими и стилистическими установками автора объясняют разрыв между словом поэтической речи и соотносительной ему лексемой из системы языка в ее обычном, эстетически не отмеченном употреблении.

В докладе О.Г. Ревзиной (Москва) «Интертекстуальность и языковое сознание» рассматривались архитектуральные и интертекстуальные связи русской художественной прозы 20-х – 60-х годов XX века с функциональными стилями, с повседневным языком и книжной речью. Оценочные номинации, газетно-публицистические и канцелярские штампы, устойчивые высказывания формируют идеологический код эпохи. Идеологический код внедряется в языковое сознание и деформирует его. В художественном тексте идеологический код проникает в повествование, в прямую речь персонажей и в несобственно-прямую речь. Художественный дискурс обращает транстекстуальные связи в выразительное средство. Идеологический код переводится из модуса серьезности в модус комического и тем самым подвергается дискредитации. Дискредитация идеологического кода является индикатором и двигателем общественно-политических изменений и изменений в языковом сознании.

Н.М. Азарова (Москва) в выступлении «К теории поэтического билингвизма» на материале новейшей русской поэзии рассмотрела межъязыковое взаимодействие, основанием которого служит звуковой облик слова, и сделала вывод, что стратегии и

приемы использования звукового облика слова как инструмента межъязыкового взаимодействия имеют особенности у поэтов – естественных билингвов и монолингвов (культурных билингвов), в результате чего предоставляется возможность реконструировать когнитивные особенности поэтического мышления, характерные именно для поэтов-билингвов, в частности использование слов-шифтеров, слов трансфера, обеспечивающих возможность перехода от языка к языку без использования непосредственных техник code-switching. По мнению Азаровой, критерий звукового облика слова – важный инструмент для изучения проблемы восприятия чужого языка поэтами. Поэты более, чем рядовые носители языка, склонны репрезентировать и формировать образ чужого языка в виде псевдотекста. Концептуализация поэтами звукового образа чужого языка обусловлена не только языковым окружением, но и дискурсивной практикой, привычной для респондента.

Секционные заседания 19 ноября были посвящены **языку русских писателей**. На первой секции обсуждался язык русской прозы, на второй – язык поэзии. Выступления докладчиков на секции **прозы** были посвящены языковым особенностям произведений таких прозаиков, как А. Погорельский, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В. Набоков, С. Кржижановский, современных писателей С. Мосовой и Е. Водолазкина. Многие из них были предметом исследований Н.А. Кожевниковой. Творчество А. Погорельского рассматривалось в докладе Н.И. Коноваловой (Екатеринбург) «Литературные мистификации Антония Погорельского: традиции и творческая индивидуальность». Докладчица исследовала роль писателя в развитии прозы «допушкинского» и «догоголевского» периода, в становлении и формировании романтического направления – эстетики новой русской фантастики. Ею были проанализированы черты творческой индивидуальности в литературном воплощении фольклорных традиций осмысления сверхъестественного.

А. Молнар (Венгрия) в выступлении «“Вода-мужчина” и “огонь-женщина”. Метафорическое слово Тургенева» рассмотрела метафоризацию воды и огня в повести Тургенева «Дневник лишнего человека». Язык Достоевского был предметом исследования в выступлениях двух ученых – М.М. Коробовой (Москва) и И.В. Ружицкого (Москва). Доклад М.М. Коробовой был посвящен особенностям употребления слова *дорога* по данным Словаря языка Достоевского, с указанием статистических данных распределения частоты его употребления по жанрам и, отдельно, – для пяти главных романов Достоевского. Основное внимание было уделено семантической характеристике слова *дорога*: была приведена структура значения, характерная для текстов Достоевского; эти данные были сопоставлены с данными других словарей, был обоснован идиостилевой характер, отражающийся в последовательности выделенных значений.

В докладе И.В. Ружицкого «Языковая личность Федьки-каторжника как тип» обосновывалась такая возможность реконструкции языковой личности, как анализ речевых особенностей конкретного персонажа литературного произведения – Федьки-каторжника из романа Ф.М. Достоевского «Бесы», играющего, несмотря на свою эпизодичность, ключевую роль в развитии сюжета. Данная языковая личность обладает некоторыми типологическими чертами, ее неординарность проявляется в способности к сознательному и мотивированному переходу с одного стиля на другой, свободному использованию как простонародной лексики, так и книжной, в первую очередь церковнославянской.

Предметом исследования О.В. Ломакиной (Москва) стал язык Л.Н. Толстого; она рассмотрела такой его аспект, как текстообразующая функция фразеологии. Было убедительно показано, что для языка писателя характерно активное использование фразеологии в качестве сильной позиции текста, полифункциональность

фразеологических ресурсов языка, что позволяет судить о богатстве фразеологического вокабуляра писателя.

Наибольшее число докладов было посвящено языку А.П. Чехова, что соответствует роли этого писателя в научном творчестве Н.А. Кожевниковой. Выступление В.Н. Виноградовой (Москва) «*Свое и чужое слово в письмах А.П. Чехова*» было посвящено образу автора в эпистолярной прозе писателя. Предметом исследования Г.Н. Ивановой-Лукьяновой (Москва) стал ритм рассказов Чехова 80-х – 90-х годов. Предложена такая методика подсчета ритма прозы, при которой ритмообразующие единицы текста (ударные слоги, границы синтагматического членения и интонационные типы) представлены в десятичных цифровых величинах, обозначающих число отклонений от условно принятой идеальной ритмичности. Используемая в статье методика изучения ритма рассказов А.П. Чехова, по мнению автора доклада, открывает новое понимание стиля писателя, выходящее за пределы анализа лексики и грамматики и объясняющее глубины его поэтического сознания.

А.В. Кубасов (Екатеринбург) исследовал особенности функционирования семейного словаря в рассказах Чехова. В докладе было показано, как с помощью семейного словаря создается игровая ситуация, достигается амбивалентность и смысловая неоднозначность отдельных текстовых фрагментов. Кроме того, семейный словарь позволял Чехову вести скрытый диалог с родными и близкими людьми, обладавшими другой пресуппозицией, чем остальные читатели. В качестве примеров для анализа семейного словаря взяты из него слова *таракан* и его производные, *водочка*, *кроме*, выражение *Да и дурак же ты, Антон / Иларион*, использованные писателем как в ранних, так и в поздних его произведениях.

Идиостиль В. Набокова стал предметом исследования М.В. Ляпон (Москва), в докладе которой «Набоков: коллекция наглядных достоверностей» обосновывается тезис, согласно которому текст Набокова представляет собой результат творческой комбинаторики («монтажа») двух режимов общения автора с читателем. С одной стороны, тайнопись в текстах Набокова вводит читателя в состояние продуктивной озадаченности, стимулирует импровизацию аналогиями, разгадывание экспериментальной метафоричности, авторских шарад, анаграмм, каламбуров. С другой стороны, текст Набокова – информативный источник для исследования альтернативного режима общения с адресатом: примат детали, внимание к говорящим жестам и мимике персонажей; поиск общего языка со среднестатистическим адресатом (деперсонализация), – все это дает возможность его читателю испытать удовольствие самоузнавания. Включенные в книгу стойкие мелочи из хроники бытия у Набокова проходят строгий контроль на частотность и преподносятся как самодостаточное откровение объективности, результат наблюдений автора над тем, как устроена жизнь, – не только в смысле, осложненном философскими коннотациями, но и в том, как устроена бытийная реальность во всех максимально приземленных проявлениях, со всеми ее «никчемными подробностями» и мелочами.

Т.А. Гридина (Екатеринбург) посвятила свое выступление языку прозы С.Д. Кржижановского, а именно, языковой игре в художественном миромоделировании. Т.А. Гридина рассмотрела такие сюжетообразующие единицы создаваемой автором виртуальной реальности, как: 1) игремы-оксюмороны (заголовочные словосочетания, созданные по принципу ассоциативной провокации); 2) мотивационные игремы, образующие гнезда слов, связанных по принципу ассоциативной выводимости и ассоциативного наложения; 3) словообразовательные игремы, среди которых выделяются а) группы «фантомных» номинаций: игремы-гибриды, моделирующие квазиденотат, б) игремы-транспозиты с семантикой ирреальной бытийности, в) словообразовательные комплексы, обыгрывающие символику ключевого слова.

Прозы последних лет касался доклад К.А. Роговой (Санкт-Петербург) «Творческий потенциал детали – компонента речевого образа», в котором анализировались два произведения современных петербургских писателей – Светланы Мосовой и Евгения Водолазкина; на их примере демонстрировались некоторые общие особенности выбора деталей и языковых средств их выражения при создании картины жизни второй половины ушедшего века.

Секция, посвященная **языку поэзии**, открылась докладом Н.А. Фатеевой (Москва) «Поэтическое определение творчества: торжество или мука?», в котором на материале Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка было рассмотрено слово *творчество* в поэтических произведениях XIX–XX веков с целью выделения константных и индивидуальных ассоциаций, которые оно к себе притягивает. Были выявлены следующие закономерности: прежде всего, поэты фиксируют божественное происхождение творческого вдохновения. Они также связывают творчество с пророчеством и необходимостью свободы художника. Сам процесс творчества метафорически осмысливается как «горение», при этом вдохновение по авторским ощущениям может ассоциироваться как с жаром, так и холодом. В состоянии творчества поэт (и шире художник) может испытывать, с одной стороны, радость, восторг, с другой – печаль, тревогу, обиду, боль. Нередко творчество осмысливается как пограничное психическое состояние (экстаз, бред, видения), когда происходит соединение с внеземным началом. Отсюда возникает таинство творчества как процесса постижения красоты и истины. В годы же социалистического строительства творчество получает расширительную характеристику и соединяется с идеей построения нового мира.

С.Е. Никитина (Москва) в выступлении «Духовные стихи: единство в многообразии» исследовала вопрос, в чем состоит семантическое единство русских духовных стихов, представляющих собой корпус разнородных текстов, по внешним признакам (метрика, ритмика, большинство поэтических приемов) близких к самым разным светским, или мирским, жанрам. По мнению автора доклада, стихи объединяет совокупность относительно неизменных во времени народно-православных ценностей, то есть важнейших жизненных и религиозных смыслов, выраженных в языковых и речевых стереотипах, прежде всего, в ключевых словах духовного стиха и словосочетаниях с устойчивыми эпитетами, а также в их специфических оценочных оппозициях («добро – зло», «богатство – бедность» и др.). В качестве примера рассматривались семантические особенности многозначного слова *свет* – одного из самых частых слов текстов стихов как старинных, так и новых, которое не меняет в течение нескольких веков своего смыслового пространства и наряду с другими ключевыми словами связывает разнородные тексты стихов в своеобразный единый гипертекст.

В нескольких следующих докладах рассматривались отдельные поэтические идиостили. С.Т. Золян (Армения) посвятил доклад небольшому пушкинскому фрагменту «Когда б я был царь», сделав вывод, что этот отрывок в сгущенном виде представляет принципы поэтики Пушкина, которые позднее воплотились в его прозаических произведениях. Это – принимающая различные формы игра модальностями, делающая взаимопроницаемыми действительное и воображаемое, случившееся и возможное. На основе внутритекстового анализа и сопоставления с другими произведениями Пушкина докладчик предложил интерпретировать его не как черновой отрывок, а как новеллу-фрагмент, текстологическая двусмысленность которой также является художественным приемом. При этом формальная схема модальных переходов, с предельной ясностью заданная в этой новелле-фрагменте, оказывается той базовой моделью, на которой построена поэтика модальности других произведений Пушкина.

Юкиёси Иноуэ (Япония) в докладе «Кто же Тамара из одноименной баллады М.Ю. Лермонтова “Тамара”? – Взаимосвязь между героинями поэмы “Демон” и баллады

«Тамара»» проанализировал вопрос о происхождении имени Тамары, героини одноименной баллады «Тамара», высказав гипотезу, что Лермонтов решил назвать героиню своей баллады Тамара, так как хотел подчеркнуть связь с героиней, о которой он пишет в шестой редакции поэмы «Демон» и что баллада «Тамара», героиня которой наследует душу Демона, является продолжением шестой редакции поэмы «Демон». Это предположение подкрепляется тем, что, во-первых, три поэтических произведения последнего периода творчества Лермонтова «Демон», «Дары Терека» и «Тамара» связаны в единый цикл рекой Терек, представляющей собой границу между миром живых и миром мертвых, которым правит Демон. И, во-вторых, в пятой строфе баллады «Тамара» скрыта анаграмма слов, которые точно перекликаются со словами, брошенными ангелом Демону в поэме «Демон»: *Исчезни, мрачный дух сомненья!* С помощью анаграммы автор хотел намекнуть на связь между двумя Тамарами.

Наибольшее число докладов было посвящено русской поэзии XX в. Типологию синтаксических повторов в русской поэзии XX века рассмотрела в своем выступлении С.Д. Абишева (Казахстан). Предметом ее исследования стали повторы с объемом колебания от одного слова до целого предложения, названные Н.А. Кожевниковой «синтаксической синонимией». Классификационную шкалу определили повторы по смежности – это симметричные повторы, находящиеся рядом. Было выделено шесть групп повторов. Среди них тавтология, линейная однородность, точное повторение отдельных синтаксических групп, смежные анафорические конструкции, предложения с тождественной синтаксической конструкцией, синтаксический параллелизм.

Ряд аспектов идиостиля В. Хлебникова стал предметом исследования в двух следующих докладах. В. Вестстейн (Амстердам, Нидерланды) в выступлении «Говорящий и адресат в ранних стихотворениях Велимира Хлебникова» говорил о структуре коммуникации в стихотворениях поэта. В отличие от поэзии символистов, в которой лирическое «я» на первом плане, в ранних стихотворениях (1907–1911) Велимира Хлебникова лирическое «я» часто не присутствует или только слабо выделяется, как, например, с глаголами восприятия (*видеть, слышать*), когда не «я», но предмет восприятия становится смысловым центром стихотворения. Типично для Хлебникова отождествление лирического «я» с некоторым неологизмом. Когда лирическое «я» не присутствует, стихотворение является общим замечанием, рассказом или эмоциональным выражением говорящего. Адресаты в ранних стихотворениях Хлебникова чаще всего «несобственные», т.е. неживые существа: неологизмы, боги, вещи. По мнению докладчика, в своих ранних стихотворениях Хлебников предстает не только как новатор русского поэтического языка, но и как новатор русской поэзии.

Ю.В. Явинская (Барнаул) рассмотрела лексические, грамматические, композиционные повторы, синтаксические параллелизмы и лейтмотивы в поэме В. Хлебникова «Ночной обыск» в контексте «Основного закона времени», открытого автором за год до написания поэмы. Повторы и параллелизмы в поэме были исследованы 1) как поэтические «приемы сближения двух единиц» в концепции Р.О. Якобсона; 2) как приемы разговорной речи, объем которой составляет примерно третью часть поэмы; 3) как иллюстрация гносеологических исканий В. Хлебникова, его «осады времени» в концепции В.П. Григорьева.

В докладе А.В. Гик (Москва) были определены основные способы использования наименований времен года в поэтических произведениях М. Кузмина. В своей практике Кузмин использует традиционные образы и по-своему их преобразует. Устойчивые фольклорные формулы (весна-девушка, зима-старуха) служат узнаваемой обложкой непрочитанной книги напряженной эмоциональной жизни влюбленных. Природа в творчестве М. Кузмина является клишированной декорацией для описания не только периодов жизни, но и способов взаимодействия героев.

Л.Г. Панова (США) в выступлении «Дискурс “вещелюбия” в Серебряном веке: Мандельштам на фоне Кузмина и Ахматовой» коснулась способов видения и художественной подачи вещного мира у каждого из трех поэтов, влияния Кузмина на Мандельштама и Ахматову, уникальности мандельштамовской трактовки вещей: к ним применяется концептуальный сценарий, который можно назвать “de rerum natura” [о природе (вещей)]: в поэтическом нарративе, посвященном тому или иному объекту, выявляются его наиболее репрезентативные черты, осмысливается его имя, сам он или его имя вставляются в культурную парадигму и показывается его восприятие лирическим «я». Из этих элементов, проходящих через метафоризацию и всевозможные риторические фигуры, складывается увлекательный текст. Стихотворений об отдельных предметах, птицах, растениях, городах и т. д. у Мандельштама много, и большинство из них выдержаны в традициях французского символизма, полученных как напрямую, так и через посредство Анненского, еще одного поэта вещной тематики. Начав с символизма русского образца, Мандельштам в 1912–1914 гг. побыл акмеистом, а дальше примирил акмеистическую вещность с символистским дискурсом французских поэтов – прежде всего Бодлера.

А.В. Белова (Москва) посвятила свое сообщение поэтике стихотворения Н.С. Гумилева «Молитва», исследовав отношения «заглавие и текст», подчеркнув жанровое своеобразие данного текста. Была рассмотрена поэтическая семантика стихотворения, включающая архитеконику и композицию текста, лексико-грамматический строй, тропику, коммуникативную структуру. Стихотворение отражает духовный поиск поэта, находящегося между дионисийством и аполлолизмом – на пути к акме. Это произведение – предчувствие Бога, которое через десятилетие воплотится в лучших образцах гумилевской поэтики – в «Слове», «Шестом чувстве», «Огненном столпе». Человеческая и творческая судьба Гумилева явились ярким примером для собственного стихотворения.

Е.А. Балашова (Калуга) в докладе «Языковая специфика лирических текстов о войне непрофессиональных поэтов» рассказала о языковых особенностях самодеятельного творчества русских солдат – участников Великой Отечественной войны. Материалом для наблюдений над языковыми особенностями военных текстов послужили подлинные записные книжки и «песенники» ветеранов войны. В частности, было отмечено, что в стихотворениях «серьезной» тематики встречаются и весьма курьезные языковые фрагменты. Особенно интересны те, которые представляют собой «псевдопрямую» чужую речь – варианты стилизации речи фашистских солдат.

В выступлении Е.С. Редкиной (Санкт-Петербург) была сделана попытка выявления интертекстуального тезауруса читателя новейшей русской поэзии, основанная на исследовании особенностей интертекстуальных связей в поэтических текстах различных авторов. Материалом исследования явились подборки стихотворений современных поэтов, опубликованные в толстых литературных журналах («Новый мир», «Арион», «Урал», «Знамя», «Звезда», «Октябрь» и «Новая юность») в период с 2012 по 2016 г. В качестве основания для анализа интертекстуальных связей выделялись прецедентные тексты, имена и высказывания, функционирующие в поэтических контекстах. В ходе контекстуального анализа были выявлены наиболее актуальные для современных авторов прецедентные феномены и некоторые общие тенденции в обращении к ним.

20 ноября первое заседание было посвящено **языку русского зарубежья и языку Андрея Белого**. Н.А. Голубева-Монаткина (Москва) познакомила слушателей с исследованием иноязычных вкраплений в староэмигрантской русской речи конца XX века. В ее выступлении анализировались различные случаи употребления иноязычных вкраплений в русской речи самых старших «русских французов» и «русских канадцев», то есть представителей самого первого, а также второго поколений первой «волны».

И.А. Тарасова (Саратов) проинтерпретировала сквозные мотивы и образы поэзии русской эмиграции в парадигме когнитивной поэтики. В продолжение исследований Н.А. Кожевниковой были рассмотрены некоторые ключевые слова и образы поэзии русской эмиграции (*Россия, Петербург, снег*), получившие, по мнению И.А. Тарасовой, статус концептов художественного сознания. Материалом исследования послужила поэзия так называемой «парижской ноты» (Г. Адамович, А. Штейгер, Л. Червинская и др.), спроецированная на поэтическое творчество Георгия Иванова.

Следующие два доклада сделали сотрудники Музея Андрея Белого М.Л. Спивак и Е.В. Наседкина. В первом из них, который назывался «“Барана мы не искали...”»: К вопросу о языке “аргонавтического” мифа Андрея Белого», М.Л. Спивак показала, что источниками образности и словаря Белого-аргонавта были произведения Ф. Ницше. В докладе были сопоставлены произведения Белого (сборник «Золото в лазури», статья «Символизм как миропонимание», рассказы «Световая сказка», «Аргонавты») с текстами Ницше. Наибольшее сходство обнаруживается между произведениями Белого и книгой Ницше «Веселая наука» (переведена в 1902 г.).

Е.В. Наседкина в выступлении «“Задачей моей было облегчить работу будущим исследователям...”». Из наблюдений К.Н. Бугаевой над языком Андрея Белого: излюбленные слова и выражения» рассказала о том, как К.Н. Бугаева сохраняла и изучала литературный архив писателя, как вместе с близкими друзьями умершего писателя занималась подготовкой к печати в издательстве «Academia» собрания стихотворений Белого, как устраивала в государственные хранилища его литературный архив. Особое внимание было уделено архивным материалам, зафиксировавшим речевые характеристики Белого: его любимым словам и выражениям, записанным К.Н. Бугаевой. Были привлечены мемуарные и эпистолярные свидетельства, опубликованные и архивные материалы.

На следующем заседании рассматривались **вопросы нарратологии**. Н.А. Николина (Москва) в докладе «Гибридные формы повествования в русской прозе» изложила результаты своих исследований контаминации разных типов повествования в одном прозаическом тексте. Особое внимание было уделено гибридным повествовательным формам, возникшим в результате объединения ядерных типов повествования – повествования от 1-го лица и повествования от 3-го лица. Н.А. Николина отметила периоды развития русской прозы, для которых характерно интенсивное развитие гибридных повествовательных форм (романтическая русская проза начала XIX века, проза начала XX века, постмодернистская проза рубежа XX–XXI веков), проследила их динамику, в частности обращение к взаимодействию сказовых форм и книжных типов повествования в литературе XIX–XX вв., показала тенденции развития гибридных форм повествования в современной русской прозе. В докладе также рассматривался характер языковых средств, выбор и употребление которых обусловлены контаминацией разных типов повествования в рамках одного произведения в русской прозе.

Т.Б. Радбиль (Нижний Новгород) в выступлении «Нарративность как принцип существования художественного текста» представил некоторые теоретические положения «философии художественного текста», связанные с прагмалингвистической природой художественного текста как особого семиотического объекта в поле взаимодействия АДРЕСАНТ (АВТОР) ↔ АДРЕСАТ (ЧИТАТЕЛЬ), и поставил вопрос о возможности теоретического разграничения «нарративности» как особого принципа художественного восприятия реальности сознанием и собственно «нарратива» как специфического способа воплощения общего принципа нарративности в языковой организации произведения словесного искусства.

В докладе Н.К. Онипенко «Типы повествования и эгоцентрические средства русского языка» шла речь об актуальности книги Н.А. Кожевниковой «Типы

повествования в русской литературе XIX–XX вв.», о значении классификации типов повествования, предложенной автором этой книги. Докладчик сравнивала два типа повествования – субъективное авторское и объективное повествование (в понимании Н.А. Кожевниковой). Основанием сравнения стало функционирование эгоцентрических средств с семантикой неопределенности (глагол *казаться* и местоименное слово *почему-то*). Для сравнения были взяты роман А. Белого «Петербург» и повести и рассказы А.П. Чехова 1888–1903 гг., в которых Чехов применил «объективную манеру» повествования. Н.К. Онипенко показала, что в романе А. Белого большая часть эгоцентрических средств принадлежит рассказчику, а в прозе Чехова эгоцентрики представляют личную сферу героя. Местоименный эгоцентризм *почему-то* в прозе Чехова не разделяет модус на две субъектные сферы: в соединении с глаголом *казаться* местоименный показатель *почему-то* усиливает эффект субъективированности в рамках личной сферы героя и при этом не указывает на присутствие внешней точки зрения, исключает эту точку зрения.

Выступление Л.Г. Бабенко (Екатеринбург) называлось «Синтагматическое напряжение в повествовательной структуре: механизм формирования (на материале рассказов Н.А. Тэффи)». Анализ рассказов «Счастье», «Жизнь и воротник», «Демоническая женщина» и др. обнаружил, что главную роль в создании синтагматического напряжения повествовательной структуры, которое является важнейшей чертой идиостиля писательницы, играют определенные модели сопряжения различных композиционно-речевых форм, регулярно встречающиеся в ее произведениях и выполняющие текстообразующую функцию. К ним относится прежде всего активное использование в повествовательной структуре рассказов авторских рассуждений, которые занимают обычно начальную позицию в повествовательной структуре рассказа и кратко, лаконично, в непрямой иносказательной форме с элементами свернутой метафоры формулируют основную идею всего произведения в целом.

Сообщение О.В. Евтушенко (Москва). «“Чужая речь” и диалектное слово в современных охотничьих рассказах» было посвящено перспективам развития российской художественной прозы, поиску новых средств художественного осмысления мира, способных развиваться как целостная система. В этих целях язык романа В.В. Ремизова «Воля вольная» был проанализирован с точки зрения воплощения контрастирующих традиционно-народной, обыденно-городской и культурно-элитарной картин мира. Были приведены наблюдения по поводу ключевого для романа слова *работать*, расхождения в употреблении, которые в литературном языке и сибирских диалектах позволяют сделать вывод о появлении лакун в обыденно-городской картине мира на месте существовавших когда-то связей «ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ» и шире «ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – АРТЕФАКТ». Докладчик сделала вывод о том, что семантические расширения, а также особенности метафорического переноса при назывании животных и их частей тела, проявившиеся в несобственно-авторской речи, которая отражает особенности местного говора, указывают на синкретическое мышление, и поставила вопрос о тропеических средствах, пригодных для художественной имитации синкретического мышления. Было введено понятие «двуспектив», обозначающее найденный В.В. Ремизовым троп, в котором соединяются два вектора пространственной ориентации.

И.А. Каргашин (Калуга) исследовал специфику художественной речи в прозе современного писателя Михаила Тарковского. По мнению докладчика, рассказы и повести М.А. Тарковского можно считать продолжением и развитием тенденции к росту субъективного сознания в русской прозе второй половины XX столетия, о которой говорила Н.А. Кожевникова. Субъективизация авторского сознания проявлена в сближении языка (сознания) повествователя и героя (изображаемых персонажей). В итоге

обозначенных процессов речь (слово, языковые особенности в целом) становится важнейшим предметом художественного изображения в рассказах и повестях Тарковского. Кроме того, особое внимание в докладе было уделено анализу субъектной организации текстов, была намечена типология важнейших типов повествования в прозе Тарковского и определены наиболее плодотворные способы речеведения. Специфика художественной речи в прозе Тарковского анализировалась в сопоставлении с художественными произведениями предшественников – мастеров отечественной прозы XX столетия (Астафьев, Шукшин, Казаков).

Последнее заседание 20 ноября называлось «**Стих и проза как две формы словесности. Проблемы стиховедения**». Заседание открылось докладом Ю.Б. Орлицкого (Москва) «Снова о ритмическом статусе свободного стиха: К проблеме разграничения стиха и прозы». Докладчик отметил, что в начале и конце XX века эта проблема встает с особой остротой в связи с активизацией так называемых гибридных и переходных форм; ища названия для них, филологи и авторы постоянно изобретают новые и новые термины. Одной из таких новаций оказался и свободный стих (верлибр), который принадлежит до сих пор к числу наиболее дискуссионных (особенно в дилетантских кругах) речевых явлений. Ю.Б. Орлицкий предложил решение проблемы, основанное на доминировании наиболее устойчивого признака – графического облика текста, определяющего его устную реализацию. На базе этого был предложен подход ко всем существующим и потенциально возможным формам организации речи.

С.Ю. Преображенский (Москва) в выступлении «Стиховые сегменты в прозаическом орнаменте (типологические свойства метризованной прозы)» проанализировал некоторые этапы становления термина *метризованная проза*, указав на то, что подтверждение объективного характера учета в читательской рецепции стихового чтения (постихового членения) метризованных текстов продолжает оставаться проблемой когнитивного свойства. Было высказано положение об особом коммуникативно-семантическом статусе стиха как синтаксической части высказывания и предложения, отличном от статуса части прозаической синтаксической единицы.

По мнению А.Г. Степанова (Тверь), выступление которого называлось «Что слышит поэт? О ритмических механизмах литературной памяти», в любом стихотворном тексте есть компоненты семантики, которые осознаются поэтом (тема, проблема, ключевой образ и т. д.), и те, которые возникают помимо его воли, например размер, воспринятый от предшественников. «Попадание» в размер – это во многом результат литературной памяти, без которой не бывает настоящего поэта. Начиная стихотворение, поэт зачастую выбирает ту стихотворную форму, которая сохраняет следы литературной памяти. В докладе это было проиллюстрировано двумя стихотворениями, обращенными к людям, которые ушли из жизни.

В докладе Е.В. Урысон (Москва) «Об исследовании семантической организации стиха» была выдвинута лингвистическая гипотеза, объясняющая наличие у стихотворного текста особой воздействующей силы, или (лирического) настроения. По мысли докладчицы, воздействующую силу стиха создают определенные семантические единицы. Эти единицы суть повторяющиеся семантические компоненты, являющиеся частью значения лексем, входящих в данный текст. В отличие от хорошо известных случаев лексического и подобного повторов в тексте, в стихе важен повтор мелких семантических компонентов, обнаруживаемых при достаточно глубоком разложении лексемы. Слова, содержащие такой семантический элемент, важный для данного стихотворения, располагаются в стихотворении (в строке, в строфе и в целом тексте) в соответствии с определенной ритмической закономерностью. Предложенная гипотеза иллюстрируется на коротком детском стихотворении А. Барто «Наша Таня громко плачет».

Два следующих выступления были посвящены проблеме прозаизации стихотворного текста. М.М. Вознесенская (Москва) коснулась этой проблемы на материале поэзии Иосифа Бродского, которая по целому ряду признаков сближается с прозой. Докладчица рассмотрела структуру повествования в поэме «Посвящается Ялте», написанной в жанре детектива или, по определению А. Лосева, «антидетектива». Были описаны особенности композиционно-повествовательной структуры произведения, которая включает в себя субъективное авторское повествование (вступление), рассказы-монологи пяти рассказчиков (1–5 части поэмы) и объективное авторское повествование в заключительной строфе. Был сделан вывод о том, что «Посвящается Ялте» является своеобразным метатекстом, в котором представлена экспликация процесса создания художественного текста – от замысла до интерпретации, и проводится связь между повествовательной структурой поэмы и выражаемыми в ней смыслами и идеями.

С.Ю. Артемова (Тверь) исследовала произведения Инны Кабыш, по отношению к которым был придуман термин «проэзия», совмещающий поэзию и прозу. Особенности *проэзии* Инны Кабыш, как показала С.Ю. Артемова, не только в тесноте стихового ряда, но и в сочетании ритмической структуры (имитирующей разговорную речь или жесткий стиховой ритм), фонетической и лексической определенности и коммуникативной обращенности к собеседнику.

В этот день, 20 ноября, после обсуждения научных проблем на заседаниях состоялась экскурсия в музей Андрея Белого, которую провела для участников конференции заведующая отделом «Мемориальная квартира Андрея Белого» Моника Львовна Спивак.

Основной круг вопросов, обсуждавшихся на конференции 21 ноября, включал **исследование уровней языка художественной литературы, лексикографию, корпусные и статистические методы**. В первой половине дня состоялось заседание, посвященное **звуковой и синтаксической организации художественного текста**.

О.И. Северская (Москва) в докладе «Паронимическая аттракция как оператор поэтического синтаксиса», рассмотрев роль паронимической аттракции в формировании синтаксических отношений в поэтическом тексте, пришла к выводу о том, что паронимическую аттракцию можно назвать универсальным синтаксическим текстовым оператором, который формирует особую кореферентность и тематическую связность. При этом система паронимических соответствий представляет собой как иконический образ чувственно воспринимаемого мира, материализующийся в звуковой ткани языкового пространства текста, так и своеобразное высказывание об этом мире, отражающее его интерпретацию.

О.Я. Бараш (Москва) исследовала один из видов звукового повтора – анаграмму – и ее роль в порождении интертекста в поэтическом творчестве И. Бродского. По наблюдениям О.Я. Бараш, Бродским анаграммируется, как правило: а) заглавие стихотворения; б) одно или несколько ключевых слов текста; в) слово, отсутствующее в тексте, но служащее «отброшенным ключом» к его пониманию. Последнее можно рассматривать как «сверхдистантный» или «глубинный» повтор, базирующийся не на тексте, а на внетекстовом ряду, или же на подтексте. Устанавливая интертекстуальные связи с другими произведениями, Бродский зачастую строит отношения предикации не только за счет лексических повторов и заимствований по ритму и звучанию, но и на уровне фоники и графики. Звуко-буквенная цепочка в виде анаграммы, таким образом, может рассматриваться как дополнительный сигнал обращения к другому тексту при условии наличия иных – лексических, лексико-грамматических либо просодических связей.

Н.В. Патроева (Петрозаводск) в выступлении «Русский поэтический синтаксис XVIII столетия в жанровом и метрическом аспектах (по материалам синтаксического

словаря русской поэзии)» на материале «Синтаксического словаря XVIII века», подготовленного к изданию кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета, проанализировала связь синтаксической организации стихотворного текста с его метрикой, строфикой и жанровой принадлежностью.

А.В. Лебедев (Петрозаводск) посвятил свой доклад сравнительному анализу полипредикативных конструкций, представленных в поэтических текстах Г.Р. Державина и П.А. Вяземского. Докладчик как выделил общие черты, присущие творчеству обоих авторов, так и определил специфику их поэзии на уровне синтаксического построения текстов (сочинительная связь, подчинительная связь, бессоюзная связь, число компонентов в многокомпонентном сложном предложении) и определил преемственность поэтических поколений и специфику перехода от XVIII к XIX веку. Опорой для анализа послужили данные, полученные при составлении «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII – первой половины XIX века», работа над которым ведется на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета.

С.Ю. Бочавер (Москва) в выступлении «Поэтический синтаксис и реконструкция субъекта» рассмотрела соотношение особенностей синтаксиса в современной поэзии с различными видами субъективации. Наблюдения над обширным корпусом текстом современных русских поэтов последних 35 лет позволили автору выделить ряд тенденций или стратегий в области синтаксиса. В качестве основных стратегий были выделены: избегание предикации, абсолютивные обороты с причастиями или деепричастиями, хеджирование «я» при помощи графических средств или при драматизации, синтаксическая неоднозначность, пропуск личных местоимений в контексте грамматической омонимии или продроп при глаголе настоящего времени, повтор личного местоимения в параллельных конструкциях. Перечисленные стратегии соотносятся с различными способами построения субъекта, в том числе множественного субъекта. По мнению С.Ю. Бочавер, субъект, создаваемый именно таким набором грамматических средств, имеет хронологическую обусловленность и характерен именно для новейшей русской поэзии.

В докладе Р. Катаян (Индия) «Русская народная сказка как поэтический текст: структурообразующая роль повтора» был сформулирован и обоснован тезис о том, что волшебная сказка является поэтическим текстом особого рода, в котором важную ритмико-мелодическую, структурообразующую, смыслоопределяющую, прагматическую и экспрессивную функции выполняют повторы. Были проанализированы реализованные в текстах возможности просодических, звуковых, лексических, семантических, морфологических, синтаксических повторов разных видов. В качестве отличительной черты повтора в сказке по сравнению с классической поэзией было отмечено последовательное проведение принципа сочетания симметрии с асимметрией.

А.М. Ранчин (Москва) в докладе «Синтаксическое выражение глубинной семантики в древнерусской литературе: нумерологическая символика» исследовал древнерусское житие «Сказание о Борисе и Глебе» и панегирический фрагмент памятника древнерусской литературы — «Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича». Анализировались парные (двукратные) повторы и антитезы в «Сказании», содержащиеся на разных уровнях текста: событийном и синтаксическом. Продемонстрирована связь этих приемов с главной темой текста — благодатной парностью святых братьев. Значительно более сложной, по мнению докладчика, является нумерологическая поэтика в «Слове о житии». Показано, что размышления о выборе именования князя в «Слове о житии» (ангел, человек, второй Адам, ветхозаветные праведники) содержат символическое число уподоблений – двенадцать, отсылающее к следующему далее сравнению князя Дмитрия с апостолами. Ряд сравнений с апостолами и с равноапостольными святыми состоит из девяти имен, что совпадает с числом упоминаемых библейских праведников. Такие

искусные символические числовые построения, неявно указывающие на сакральную числовую символику, по-видимому, основаны на отношении к слову / знаку, навеянном богословием Псевдо-Дионисия Ареопагита. Была прослежена соотнесенность между глубинными уровнями семантики обоих текстов и их планом выражения, прежде всего в синтаксисе.

Во второй половине дня состоялись два секционных заседания. На одной из секций обсуждался **лексический уровень языка художественной литературы**, на другой – **вопросы лексикографии, статистические и корпусные методы исследования**.

Первое секционное заседание открылось докладом Л.О. Чернейко (Москва) «Сравнение: универсальная форма языка подобий и ее организующая роль в структуре художественного текста», который был посвящен изучению сравнения как способа познания мира и как семантико-синтаксической структуры, воплощающей идею подобия. Особое внимание было уделено термину «проекция» и смыслам-«проективам», в которых снято различие между метафорой, метаморфозой и сравнением. Были предложены параметры измерения семантической ассимиляции, которые позволяют разграничить метафоры и сравнения и представить их подтипы в виде оппозиций.

Л.В. Зубова (Санкт-Петербург) рассмотрела употребление аббревиатур в современной поэзии начиная со 2-й половины XX века и показала, что аббревиатуры, представленные знаками советского и постсоветского времени, являются предметом постоянной критической языковой рефлексии. Критика тотальной аббревиации в языке политики и делопроизводства проявляется в доведении явления до абсурда – концентрацией аббревиатур в контексте, который превращается в глоссолалию, перенесением элементов бюрократического языка в лирический контекст, грамматической и семантической деконструкцией, омонимическим переосмыслением. Языковая игра с аббревиатурами становится формой сопротивления их диктату.

Доклад Ф.Н. Двинятина (Санкт-Петербург) был посвящен синонимии и омонимии предметных наименований в русской поэтической традиции, в частности, таким случаям, когда один из соперничающих терминов относится к мужскому, а другой к женскому роду. Кроме того, конкурирующие формы обычно различаются происхождением и связанными с ним коннотациями: церковнославянскими и древнерусскими, ориентальными (иранские, тюркские, кавказские этимологии), новоевропейскими и др. Грамматический род и этимологические коннотации остаются основным средством поэтической дифференциации синонимов, в то время как побочные возможности могут включать звуко-смысловые связи, рифмовку, ударение и стих, а также интертекстуальность.

Н.Г. Брагина в докладе «Этностереотипы как “формулы обобщения”», опираясь на результаты анкетирования, высказала мнение, что в социуме пока нет четкого мнения относительно провокативности этностереотипов, и предложила подумать о социокультурном комментировании этностереотипов и о снабжении их стилистическими пометами, отражающими социокультурные нормы современного носителя русского литературного языка. По мнению докладчицы, это может помочь снизить накал агрессивности, свойственный многим современным текстам, написанным с использованием языка вражды.

Е.А. Гинзбург (США) в выступлении «Опечатка в книге и Интернете: Тютчев и Пушкин» выясняла источники и причины возникновения в Интернете опечаток в оде А.С. Пушкина «Вольность» и в послании Ф.И. Тютчева «Огнём свободы пламенея...», с целью предотвращения дальнейшего распространения обнаруженных ошибок.

На второй секции первым был заслушан доклад А.Я. Шайкевича (Москва) «Роман Н.Г. Чернышевского “Что делать?” в свете статистики», в котором были изложены результаты статистического исследования: частоты слов в романе были подвергнуты

анализу с помощью трех статистических подходов: 1. В трех таблицах дается статистика 12 лексических групп у Чернышевского и его современников. 2. Показаны функции статистически значимых лексических маркеров романа. 3. Статистическими средствами получены некоторые важные текстуальные связи слов.

Следующие два доклада были посвящены «Словарю языка русской поэзии XX века», создаваемому в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН.

Л.Л. Шестакова (Москва) рассказала о шестом томе словаря, включающем основную часть слов на букву П (более 7000 словарных статей), и показала, что этот том наглядно иллюстрирует особенности концепции словаря, цель которой – представить читателю лексикографический портрет языка поэзии конкретной эпохи. Этот портрет складывается из разных характеристик описываемого лексического массива. Частеречный подход к нему обнаруживает выдвижение на первый план предметных и понятийных слов, вокруг которых складывается лексическое ядро тома (это существительные *письмо, пламя, порог, поэт, призрак, пространство, путь* и др.). Словарь отражает язык большого временного отрезка, поэтому естественно наличие в нем устаревших слов. Рассматриваемый том содержит более 400 единиц с пометой *устар.*, разных по семантике и тематической принадлежности. Им противостоит корпус неологизмов – около 330 единиц с пометой *нов.* В докладе также анализировался материал, отражающий, с одной стороны, вторжение в поэзию стилистически сниженной лексики, с другой, расширение состава книжных, терминологических слов, характеризующее состояние самой эпохи (смену социально-политических ориентиров, появление технических новшеств и др.).

А.С. Кулева (Москва) на материале этого же словаря уделила внимание такому разряду слов, как «слова-собственники», определенные как лексемы, употребленные только одним автором из десяти. Анализ таких слов показывает, что они многообразны по своим лингвистическим характеристикам (по семантике, стилистической окраске, принадлежности к лексике активного и пассивного запаса русского языка). Это устаревшие слова (*пожёлкнуть* у Анненского), разговорные (*переплюнуть* у Маяковского), просторечные (*пентюх* у Пастернака), индивидуально-авторская лексика.

Темой доклада О.Е. Ивановой (Москва) стал лексикографический труд «Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII — первой трети XX века». Докладчица показала исследовательский потенциал данного словаря, позволяющий проводить разноуровневые лингвистические разыскания: 1) на уровне языковых единиц – поэтических номинаций, выступающих выразителями художественного образа в тексте, 2) на уровне образного строя лирики, 3) на уровне концептосферы языка русской поэзии.

В выступлении В.В. Леденёвой (Москва) «Идиолектема в индивидуально-авторском и общенациональном словаре» были рассмотрены единицы индивидуально-авторского словаря (идиолекта), названные автором идиолектемами, и высказано положение о том, что идиолектема – один из признаков реализации категории автора в произведении. Идиолектемами могут стать лексико-семантические варианты слов языкового стандарта и окказиональные образования – манифестанты авторской интенции в конкретном контексте и / или в тексте как целом. Эти интенции выявляются при анализе художественно-эстетического словоупотребления. Цель такого анализа предполагает установление компонентов (денотативного, коннотативного, структурного и других), которые трансформируют известный узусу и создают уникальный объем единицы в контексте, предопределяют восприятие, осмысление его как эстетически, идейно значимого. Этот объем отличается от узусального, отражаемого общенациональными словарями, что можно и необходимо установить с помощью сравнения лексикографических данных.

Е.В. Суровцева (Москва) рассказала о лексикографическом проекте, предполагающем анализ такого жанра современной русской литературы, как житие, а

именно – такой разновидности этого жанра, как житие новомучеников и исповедников, на материале восьми томов «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» (Тверь: «Булат», 2002–2005). Разметка корпуса включает в себя следующие типы информации: дата, под которой в сборник включено житие того или иного мученика; полное имя мученика (с фамилией); тип святости; имя составителя жития; имя мученика. Среди лексем корпуса будут особо выделены и проанализированы такие семантические поля, как религиозная лексика; так называемые советизмы; имена собственные. Данный проект предполагает комплексное исследование материала – лингвистическое, литературоведческое, историческое, богословское.

М. Куратчик (Польша) в докладе «Нестандартные причастия по данным Национального корпуса русского языка» сосредоточилась на ненормативных с точки зрения существующих грамматик глагольных формах: действительных и страдательных причастиях настоящего времени от глаголов совершенного вида (типа *пожелающий, сумеющий; пожелаемый, воспрепятствуемый*) и причастиях сослагательного наклонения: настоящего времени (например: *заслуживающий бы*) и прошедшего времени (например: *способствовавший бы, сделавший бы*). Основываясь на материалах Национального корпуса русского языка, М. Куратчик доказала, что такого рода образования не являются ни типичной школьной грамматической ошибкой, ни чем-то новым. В русских текстах они всегда присутствовали. Новым является интерпретация причастий типа *откроющий, сумеющий, пожелаемый* не как форм настоящего времени, образованных от глаголов совершенного вида, а как причастий будущего времени, а также более положительное отношение к такого рода образованиям, наблюдающееся в лингвистических работах последних лет. В докладе были представлены данные, касающиеся частотности рассматриваемых форм в основном и газетном подкорпусах с учетом разных временных срезов.

З.Ю. Петрова, Н.А. Ребецкая (Москва) в выступлении «Квантитативное исследование компаративных тропов русской литературы на основе базы данных» описали опыт создания базы данных (БД) компаративных тропов на основе пяти выпусков «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» (авторы Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова): «Птицы», «Звери», «Растения», «Камни, металлы», «Ткани, изделия из тканей», в продолжение исследования тропов Н.А. Кожевниковой. Поля БД соответствуют параметрам описания тропов в выпусках словаря. На основе БД проведено квантитативное исследование метафор и сравнений русской литературы. Полученные статистические списки и таблицы позволяют не только выяснить, какие предметы, образы, типы конструкций встречаются чаще, но и узнать, в какие периоды, у каких авторов встретились те или иные тропы, к какому типу организации художественной речи принадлежит троп. В результате получены наглядные статистические сведения о метафорической картине мира русской художественной литературы в целом, статистические описания системы тропов отдельных писателей, различных литературных периодов. Дополнительно получены количественные данные по тропам в стихе и прозе.

Конференция позволила отдать должное памяти Наталии Алексеевны Кожевниковой и продемонстрировала плодотворность ее научных изысканий.